

А.Ф.ДАШДАМИРОВ,
действительный член
Академии наук Азербайджанской Республики,
Институт общественно-политических исследований
и информации Академии наук АР

Этнические проблемы
в социально-политическом контексте

Согласно известному определению Сартра, человек — это не что иное, как проект, который им самим конструируется, это то, что каждый решает сделать со своей жизнью. Именно этот смысл нами вкладывается и в понимание

нации как результата ее самоопределения, но не предопределения. Самоопределения, достигаемого однажды, и требующего постоянного, перманентного подтверждения заново на каждом новом рубеже движения истории. Самоопределение — не одномоментный акт, а скорее процесс социального, политического, национального творчества, реализации накапливаемых на предшествующих этапах духовных, интеллектуальных, экономических, собственно этнических потенциалов; это своего рода диалог нации с изменяющимися условиями эпохи. И нет такой нации, которая может уйти от внутренней необходимости выбора — стихийного или сознательно-вынужденного или свободного.

В течение более 70 лет советской власти в соответствии с господствовавшей концепцией национальной политики унифицировались национальные особенности и традиции культуры и образа жизни народов, жесткой цензуре подвергалась историческая память. Массовые гонения на патриотически настроенную творческую интеллигенцию, вызывая страх и оппозицию, вели к сокращению этнического потенциала культуры. Все это деформировало национальное самосознание многих народов, в том числе и азербайджанского, оказавшегося в изоляции от остального исламского мира, от тюркских связей и ценностей. Однако азербайджанская традиционная культура и в самых неблагоприятных обстоятельствах проявляла мощную жизнеспособность и пластичность, в основном сохранив свой исторический потенциал, в какой-то мере адаптировавшись к сложным социальным, экономическим и политическим условиям советского общества. Подвергавшиеся в том или ином виде запрету тюркские и исламские компоненты этнической культуры Азербайджана, в качестве защитной реакции приобретали значение ключевых символов. Азербайджанцы проецировали на них свои национальные чувства, придавая им индикативное значение.

И в то же время, в контексте приливов и отливов политической либерализации в СССР, особенно в послевоенный период, *происходили позитивные процессы* укрепления этнического ядра азербайджанской нации, развития ее социальной структуры, качественного и количественного роста национального самосознания, культуры, литературного языка и т.д.

Мощным фактором распространения национальных идеологем в последнее десятилетие стало вовлечение широких кругов общества в национально-освободительное движение, в различные формы антиоталитарной политической активности. Темпы развития и общие результаты этой активности были во многом обусловлены в эти годы особенностями этнического поведения крестьян, рабочих, студенчества.

Рост национального самосознания как в интенсивном, так и экстенсивном аспектах — процесс противоречивый, непоследова-

тельный, отражающий подъемы и спады национальных, общественно-политических движений, изменения социально-политических ситуаций. При этом факторами этого роста являются не только продуктивная активность творцов национальных идей и взглядов, а и то, какое распространение они получают в обществе, насколько становятся достоянием массового сознания.

Резкая политизация и идеологизация национального самосознания, вызванная к жизни перестроечными процессами середины 80-х годов, а затем затяжным карабахским конфликтом, создала новую этнополитическую ситуацию в Азербайджане. Идеи национальной независимости, национального и государственного суверенитета во многом определили основные тенденции общественно-политической жизни, консолидировав ее вокруг национального, национально-освободительного движения.

Потребность в этноисторической аутентичности, вырвавшись из-под идеологического диктата, обрела гласный, публичный характер. В духовную жизнь нации стали возвращаться ранее запрещенные труды азербайджанских философов, политических мыслителей, творцов национальных идеологем. Определенный этномобилизующий эффект дало активное использование символов национально-освободительного движения начала XX в. Уместность апелляций к историческому прошлому подкреплялась стремлением восстановить идеологическую преемственность в развитии национального самосознания, деформированного в годы советской власти. Таким образом были возрождены символы и ценности национального движения начала века, атрибутика первого Азербайджанского демократического государства (1918—1920 гг.), а также идеологемы, носившие проективный характер: "тюркизм, исламизм, модернизм".

В современной идеологической жизни Азербайджанской республики достаточно явно проявились две тенденции. Первая направлена на растворение азербайджанской идеи в общетюркской, общеисламской идее. Вторая отстаивает формулу азербайджанизма, интегрирующего многослойную этническую культуру Азербайджана, включая тюркские корни, кавказские реалии, национально-демократические традиции, исламские истоки. Итак, история повторяется вновь, с той только разницей, что в начале века идейная борьба происходила на фоне процессов этнополитического становления, в виде столкновения различных концепций нациеустройства, а на исходе нынешнего века мы имеем сложившиеся этнокультурные, этнополитические реалии, на фоне которых речь идет о новом выборе аутентичности, сопряженном с борьбой за ту или иную политическую, в том числе и внешнеполитическую идеологическую ориентацию.

Национальная идея является тем мощным средством "массового поражения", массового воздействия, которым стремятся овладеть, под-

чинить себе, использовать в собственных целях политические силы. В силу этого национальная идея никогда не существовала в чистом виде, как исчерпывающее выражение этничности национальных помыслов и целей в их абсолютной данности. Социальные движения и конфликты, внутривнутриполитические распри и соперничество, борьба партий и политических деятелей за власть, за влияние в обществе, с одной стороны, и борьба против иноземной агрессии, территориальных притязаний и т.п. — с другой, переплетаясь между собой накладываются на этничность национальных идеологов, сказываясь на их содержании, выдвигаемых и интерпретируемых целях.

Постановка проблемы национальной идеи предполагает учет ее связи с социальной и этнической структурой общества, его политической практикой. Думается, что применение социально-классового подхода к оценке состояния национального самосознания, его развития вглубь и вширь не утратило своего методологического значения, поскольку он с большей точностью позволяет обнаружить естественное несовпадение социально-политических интересов различных групп людей, в призме которых преломляются общие национальные ценности, интересы, представления.

Политизация национального самосознания, как правило, связана с обострением общественно-политических, межнациональных противоречий, стимулирующих рост общественной активности, подъем национальных движений. Рождаемые в этих условиях идеи, призванные служить обществу, в той или иной форме осуществляются в качестве целеустановки к самоизменению, выживанию, адаптации к изменившимся и продолжающим меняться условиям жизни.

На уровне массового сознания политизированное мышление предельно упрощает сложнейшие общественно-политические, духовные процессы, сводя все к черно-белым картинкам, и примитивной схеме: действие—результат, что позволяет в сложной обстановке манипулировать поведением людей. Новые общественно-политические условия, связанные с распадом СССР и крушением социализма, дали возможность открытого обсуждения идей национальной независимости, государственного суверенитета. Эти идеи быстро распространились в обществе, став на какой-то период ведущим элементом национального самосознания.

Но для конкретных условий азербайджанской действительности ключевое значение приобрела незащищенность населения от популизма, национальной экзальтации, этнического нарциссизма, проявленного частью интеллигенции, вовлеченной в массовое политическое действие.

Как показала жизнь, национальная идея далеко не всегда играет консолидирующую роль. Она сама противоречива, обнаруживая в своем содержании расхождение между политическим и этническим аспектами. В обществе, политизированном сверх меры и не обладаю-

шем развитой системой надежно защищенных демократических институтов, национальная идея нередко становится одним из средств борьбы за влияние. Становясь в руках тех или иных политических сил инструментом утверждения власти клановых интересов, она же превращается в причину, эту власть разрушающую, раскалывая нацию на своих и чужих, красных и белых, демократов и партократов, уроженцев разных регионов, этносов, конфессий. Для нашей жизни характерна парадоксальная связь между веками культивируемым авторитетом власти и пассивной созерцательностью, даже равнодушием к проблемам государственного устройства, общественно-политического строя. Это обстоятельство как-то отражается и на национальной идее — сильной своей этничностью и противоречивой, непоследовательной в политических аспектах.

Такова политическая парадигма национальной идеи: эксплуатация ее привлекательности в борьбе за власть выявляет ее потенциальную конфликтность — будь то идея суверенитета, территориальной целостности, этнонима, этногенеза или этнолингвистической чистоты национального языка. В конечном счете берут верх тем или иным образом понятые, оцененные и осмысленные интересы и потребности нации в различных сферах жизни или в их совокупности. Они-то, надо полагать, и служат моментом, придающим национальной идее политический характер. Кажется, что национальная идея способна со всей полнотой выразить и долговременные, стратегические и текущие, повседневные, тактические интересы нации. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается искажение перспективы, обманутые ожидания целого поколения людей, введенных в заблуждение — теми же лозунгами независимости, суверенитета, территориальной целостности.

Оставаясь на почве конкретно-исторической определенности, национальная идея — это одновременно своеобразный отклик на глобальные, мировые проблемы, несущие вызов инстинкту этнополитического, этнокультурного самосохранения нации. Наряду с глубокими социальными изменениями, политическими конфликтами переходного времени, подвергающими этничность болезненным трансформациям, на национальное самосознание и культуру непосредственное воздействие оказывают глобальные изменения мирового масштаба. Эти процессы, описанные многими авторами, расцениваются как ускоряющаяся глобализация социально-экономических, культурных проблем, сопровождающихся резким ростом транснациональных институтов, движений и диаспор; ослаблением национального государства как такового; ускорением распространения средств глобальной коммуникации; нарастающим плюрализмом культур и этничностей; ярко выраженным ростом значимости проблемы "прав" и усилением чувства "всемирного гражданства".

Интернационализация экономической, политической, социальной жизни массовой культуры, стандартизация образа жизни вызывают защитную реакцию "этнических взрывов", этноцентрических сдвигов в национальном сознании, своего рода возвратные эффекты исторических апелляций.

Вызов времени ставит нацию перед выбором: сохранять этническую идентичность в ее исторической данности, ориентируясь на этнократические способы политической и культурной самозащиты; отдать предпочтение чувству солидарности, основанному на примордиальных узах или узах, сложившихся из общности религиозных, идеологических обязательств (иногда весьма сложно распознать, когда мы имеем дело с идеологическими образами или объективными творениями истории). Либо, оставаясь на почве общемировых тенденций и закономерностей развития, искать собственную, оригинальную, взвешенную формулу гармонии этнического и социального, национального и общечеловеческого. Имея в виду, что в современном мире народы сохраняют и отстаивают свою национальную определенность, этническую неповторимость, культурную целостность и суверенность успешнее всего через различные формы сочетания традиций и инноваций, преемственности и новаторства, через хозяйственное, социально-экономическое преуспевание, совершенствование своего общественно-политического устройства на демократических началах.

Сейчас, как никогда ранее, ясно, что досоветский и советский этапы истории национальной идеи, как уже пройденные фазы развития, лишены перспективы. Вполне наблюдаемы признаки того, что в значительной части общества утверждаются иные взгляды, иное умонастроение, созвучное тем изменениям, которые несет в себе формирующаяся новая общественно-экономическая среда. Общество, нация переживают по сути новый период исторического развития, на котором национальная идея должна трансформироваться в новую национальную доктрину, способную выдвинуть новые цели, символы и смыслы, не отвергающие исторические традиции национальной культуры, но ориентирующиеся на глобальные тенденции мирового развития, формирующиеся реалии постиндустриального, информационного общества.

Этот этап может стать плодотворным, если будет достигнуто то качество развития индивидуального начала, которое свойственно социально-критическому, рефлексивному мышлению. Разумеется, это связано и с тем, утвердится ли тенденция усиления — возрастания роли свободного, личностного начала в социально-политических, духовно-идеологических процессах. Это одна из наиболее важных тенденций современной эпохи.

Национальной идее должна быть возвращена ее изначальная социальность, не вытесняющаяся ее этничность, но в отличие от

конфессиональных канонов, химер псевдосоциалистической идеологии, узколобого национализма, предлагающая конкретные цели гармонизации человеческих отношений, повышения качества жизни, сочетания свободы со справедливостью на демократической основе.

К будущему приходится продираться с трудом, блуждая и ошибаясь; каждый должен сам определять *свои* предпочтения, свое видение будущего, находить истину в тех или иных программах, проектах, жизненных ориентациях, в той или иной идеологии, религии, общественных ценностях и целях. Сегодня национальная идея мне представляется нитью в лабиринте, где до сих пор мало кто пытался найти верный путь — осознанно и критически. Предпочтение до сих пор отдавалось тем мифотворческим импульсам, которые заложены в самой психике этноса. Их действием, собственно говоря, и создается эффект подмены действительного желаемым, отождествления желаемого с идеалом. Удастся ли, вопреки этой фатальной склонности этнического, национального сознания, преломлять исторические и социальные реалии через призму научного познания собственных действительных интересов и потребностей, на основе анализа той действительности, на которой они вырастают? Прогресс и издержки развития, национальные движения и социальные конфликты, межнациональные, международные отношения и геополитические реальности — все это не подчиняется нашим желаниям. Несут ли они людям добро или зло — они не отменяемы. Но история, как и повседневная жизнь, всегда оставляет человеку возможность выбора: между прошлым и будущим, привычным и новым, между большим или меньшим злом.

В.Л.Барсамов: Хотелось бы понять, какова степень этнической или национальной консолидации азербайджанцев в Иране и Азербайджане?

Ответ: В ГДР, как известно, имела широкое распространение идея двух немецких наций — восточногерманской и западногерманской. Я не скажу, что существуют две азербайджанские нации, но это один этнос. Несмотря на практически полный разрыв информационных, культурных, даже родственных связей азербайджанцев севера и юга в течение 60 или 70 лет, азербайджанская общность сохранялась и сохраняется. В последние годы связи очень активизировались. Я на первый план выдвигаю два момента, которые различают азербайджанцев юга и севера. Во-первых, это конфессиональный аспект, и, во-вторых, государственный. Несмотря на разговоры по поводу фундаментализма в Азербайджане, до *сих* пор это в большей степени спекуляции, которые остаются на совести журналистов и политиков. Не более того. Южный же Азербайджан — это Иран со всеми атрибутами ислама и с полным преобладанием, приоритетов исламской лояльности даже

по сравнению с этнической. Но новое поколение азербайджанцев в Иране — это люди азербайджанистской ориентации. Я имел возможность ездить и наблюдать, изучал этот вопрос по литературе и на основе личных контактов. Ситуация достаточно противоречивая. Я не могу сказать, что это единая нация, но этническая, этноязыковая, этнокультурная, этноконфессиональная основа — общая при всех серьезных заметных различиях. Правительства Азербайджана и муталибовского, и эльчибеевского, и нынешнего периодов стараются быть достаточно осторожными в вопросах взаимоотношений с Ираном. Но, как засвидетельствовал вчера докладчик из Армении, Иран очень активно оказывает поддержку Армении. Это затрудняет взаимоотношения Азербайджана с Ираном. Последние год-полтора наступил момент ограничений в общении. Граница между Ираном и Азербайджаном была достаточно прозрачна в течение многих лет, а сейчас это общение затрудняется. Но я думаю, что будущее во взаимоотношениях двух частей азербайджанского этноса будет зависеть от того, в каком направлении пойдут процессы в самом Иране. Тенденции к либерализации общественно-политической ситуации там просматриваются. Во что это выльется и когда, жизнь покажет.

В.А.Барсамов: Каково влияние этнического или кланового фактора в тех политических переворотах, которые имели место в Азербайджане за последние годы?

Ответ: В азербайджанской внутренней ситуации безусловно большую роль играют клановые интересы. Едва ли не большинство политических движений и партий сформированы в Азербайджане по признаку местной солидарности. Так, в партии, которую возглавляет Г.Алиев — "Новый Азербайджан", преобладают нахичеванцы. В партии, возглавляемой министром печати — ленкоранцы, талыши (южная зона Азербайджана). Это, безусловно, очень сказывается на политической атмосфере, на внутривнутриполитических конфликтах, причем настолько, что, скажем, период пребывания у власти Муталибова протекал при доминирующем влиянии выходцев из Баку. С приходом к власти Эльчибея ситуация несколько либерализовалась. Хотя надо сказать, что сам Эльчибей выходец из того же региона, что и Гейдар Алиев. И последняя смена, которая произошла, не только прекратила, но значительно усилила влияние нахичеванской диаспоры в Баку и Азербайджане в целом.

Вопрос из зала: В какой мере карабахский конфликт был и остается фактором формирования азербайджанизма?

Ответ: Дело в том, что карабахский конфликт и, так сказать, "армянский вызов", адресованный Азербайджану, чрезвычайно политизирует сознание азербайджанцев. Чрезвычайно. И, собственно говоря, именно на волне политизации, которая охватила все слои общества, "Народный фронт Азербайджана" и конституиро-

вался как идеологический лидер. Но азербайджанизм обострился не столько в связи с Карабахом. Карабах просто означал усиление общенациональной солидарности. А азербайджанизм возник как мощная тенденция, которая призвана выделить и утвердить азербайджанцев как особый самосотворенный этнос, в отличие от других тюркских народов, от остального тюркского и исламского мира. Акценты располагаются, мне кажется, в этой зоне. Но карабахский конфликт сыграл огромную роль в этнической мобилизации азербайджанцев. Кроме того, карабахский конфликт сыграл огромную роль в культивировании антисоветских, антикоммунистических и если хотите, даже антироссийских тенденций и настроений. Поскольку сложилось убеждение, что за карабахским конфликтом стояли определенные силы в самой России.

Вопрос из зала: Если можно, охарактеризуйте отношения Азербайджана с Дагестаном. И какова здесь роль России? Каковы перспективы решения проблемы лезгинов?

Ответ: Я убежден в том, что именно в этом плане этнополитическая ситуация в Азербайджане неразрывно связана с российской политикой. Любое дистанцирование Азербайджана от России — политическое или экономическое — чревато деструктивными процессами внутри Азербайджана. Это касается не только лезгинов. Это касается по существу всей северной зоны Азербайджана. И я даже добавил бы к этому южную талышскую зону, хотя по многим этнокультурным параметрам — языковым, религиозным и иным — талыши тяготеют и активно взаимодействуют с Ираном. Но пока что сохранились очень существенные социально-экономические интересы, связанные с Россией. И до тех пор, пока эти интересы живы, эта зона будет оставаться чрезвычайно важной в отношениях между Азербайджаном и Россией. Что касается лезгин, аварцев, сокуров, то идет достаточно конструктивный процесс поиска оптимальных форм взаимоотношений, как со стороны Дагестана, так и с нашей стороны. Например, известный дагестанский философ Агаев возглавляет движение по созданию специальных фондов, которые бы финансировали культурные и образовательные контакты, которые бы работали и на азербайджанскую часть, и на дагестанскую, не покушаясь на территориальные, государственные границы. Это, наверное, был бы самый оптимальный вариант.

С.М.Червоная: Каково отношение в Азербайджане на уровне Журналистики, организованного общественного мнения, а может быть и массового сознания (если оно зондировалось) к таким явлениям, как чеченская война и грузино-абхазский конфликт. Преобладает ли здесь отношение страха перед сепаратизмом по аналогии с Нагорным Карабахом или конфессиональное сочувствие братьям по вере?

Ответ: Ситуация очень противоречива. Здесь присутствует и то, и другое. Наблюдаются проявления солидарности, но она скорее носит не конфессиональный характер. Речь идет о том, что народ борется за свое освобождение. Есть еще феномен солидарности народов, проживающих на Кавказе. И в то же время это настроение сталкивается с пониманием того, что карабахский конфликт может быть решен, так же как могут быть решены абхазский и чеченский конфликты на базе территориальной целостности, неделимости территории. Вот такая противоречивая ситуация.

Вопрос из зала: С одной стороны, Вы говорите о таких явлениях, как региональная самоидентификация, локальное самосознание, а с другой — о национальном самосознании, национальном патриотизме. Для меня этот вопрос принципиально важен, я хотел бы знать, как Вам видится, есть ли сегодня азербайджанская нация⁷ Какой в этническом смысле будет основа этой нации?

Ответ: Когда обручи сломались, то что-то развалилось, а что-то устояло на ногах. То, что устояло, может претендовать на статус нации. В этом смысле азербайджанцы, несмотря на серьезные потери, устояли. Конечно, азербайджанская нация отличается от иных. Может быть азербайджанская национальная идея не есть идея полководцев, политиков, это скорее идея творцов культуры Это немножко другой характер нации. Но то, что сложилась национальная общность, это есть. Противоречит ли это существующим локальным идентичностям? Мне кажется, что данный вопрос в значительной степени носит ситуационный характер. В период распада, катаклизмов, в том числе в масштабах Азербайджана как небольшого государства, как раз семейные, родственные, клановые, районные связи становятся приоритетными на данный момент, чтобы удержаться, сохраниться, выжить. Это способ выживания. Мне кажется, он серьезно не угрожает общеазербайджанской идее именно в силу зависимости от такой ситуации.